

Д. М. Исхаков

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ТАТАР В ПОВОЛЖСКО-ПРИУРАЛЬСКОЙ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ В XVIII—XIX ВВ.

Численность и особенности территориального размещения этносов оказывают весьма существенное влияние на этнические процессы¹. Однако для правильного понимания этнической ситуации изучения лишь сложившегося расселения народов и современной их численности явно недостаточно: к этим процессам необходимо подходить исторически.

Настоящая статья представляет собой опыт этностатистического исследования изменений, происходивших в XVIII—XIX вв. в территориальном размещении и численности наиболее крупной части татарского этноса — татар Среднего Поволжья и Приуралья. При этом мы стремились учесть и этнические процессы, так или иначе повлиявшие на численность и расселение средневожско-приуральских татар.

Средневожско-приуральские татары окончательно сформировались в две близкородственные этнические группы — казанские татары и татары-мишари, как нам представляется, не ранее XVI — первой половины XVII в. в результате длительного взаимодействия болгарского и родственного ему буртасского этносов со значительными группами золотоордынско-тюркского происхождения. В дальнейшем (с конца XVII — по конец XIX в.) в результате крупных миграций и вследствие чересполосного расселения представители обеих этих групп сложились в крупнейшую по численности локально-территориальную группу татарского этноса. Средневожско-приуральские татары, сохранившие основные черты культуры болгар, благодаря своему центральному положению и относительной многочисленности стали ядром сформировавшейся в конце XIX в. татарской буржуазной нации, которая после победы Великой Октябрьской социалистической революции превратилась в одну из наиболее крупных социалистических наций СССР.

Обращение к специальному этностатистическому изучению татар Поволжско-Приуральской историко-этнографической области (ИЭО) вызвано тем, что, несмотря на обилие историко-этнографической литературы, посвященной исследованию данной группы населения², в том числе и крупных обобщающих трудов³, до сих пор не выявлены динами-

¹ В. И. Козлов. Динамика численности народов. Методология исследования и основные факторы. М., 1969.

² Библиографию см.: «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, с. 21—531; «История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней)». Казань, 1966, с. 681 и др.; М. К. Мухарямов, З. И. Гильманов. Основные итоги изучения на современном этапе истории татарского народа. — «Исследования по историографии Татарии». Казань, 1978, с. 37—47.

³ Н. А. Спасский. Очерки по родоноведению. Казанская губерния. Казань, 1912; В. В. Воробьев. Казанские татары (этнографическое исследование материальной куль-

ка изменения численности и особенности расселения татар в Среднем Поволжье и Приуралье за сколько-нибудь значительный отрезок времени. Предпринятая академиком П. Кеппенем в первой половине XIX в.⁴ попытка собрать исчерпывающие сведения обо всех татарах ограничилась материалами VIII ревизии (1834 г.).

Между тем отсутствие этностатистических исследований сказывается отрицательно. В некоторых работах⁵ появилось стремление оперировать статистическими данными на какую-либо одну дату, притом без учета этнических процессов, хотя они в период формирования татарской буржуазной нации стали весьма значительными. В итоге при определении истинной численности татарского населения региона в зависимости от величины охватываемых административно-территориальных единиц были допущены ошибки от нескольких десятков, до нескольких сот тыс. чел.

В хронологическом плане данное исследование охватывает период с 1719 по 1897 г. Для татарского этноса это было время сложения в буржуазную нацию. В XVIII—XIX вв. этнические процессы в среде поволжско-приуральских татар развивались наиболее интенсивно. Наконец, этот отрезок времени достаточно хорошо обеспечен этностатистическими материалами, преимущественно архивными.

В своей работе мы ограничиваемся пределами Среднего Поволжья и Приуралья. Однако выявилась существенная трудность при определении точных границ этого региона. Дело в том, что исследователи, разработавшие принципы выделения историко-этнографических областей, намечая общий круг проблем, связанных с подобного рода районированием, не могли, да и не ставили своей задачей проводить анализ всего комплекса явлений, чтобы точно определить пределы каждой ИЭО⁶. Поэтому в ряде работ до сих пор отмечается нечеткость границ Поволжско-Приуральской ИЭО⁷. Предложенный в литературе критерий определения территории «средневолжского историко-этнографического района» исходя из «границ коренных русских земель, сложившихся к началу XVI в.»⁸, не выдерживает критики, так как принцип районирования по ИЭО всегда опирается на учет исторической подвижности этих границ⁹. Словом, ясно, что точное определение пределов изучаемого региона возможно лишь на основе комплексного изучения и составления подробного историко-этнографического атласа всего Поволжско-Приуральского региона. Однако работа в этом направлении только начинается. Поэтому в настоящее время при определении границ региона приходится исходить из того, что территория Поволжско-Приуральской ИЭО находится в пределах расселения коренного населения края (татар, чувашей, башкир, мордвы, марийцев и удмуртов) и чересполосно с ними расселившихся

туры дооктябрьского периода). Казань, 1953; В. Ischboldin. Essays on Tatar history. New Delhi, 1963; «Татары Среднего Поволжья и Приуралья»; «История Татарской АССР»; Х. Х. Хасанов. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977; А. Х. Халиков. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978.

⁴ «Список инородцам Европейской России с показанием губерний, в которых они находятся». Б. м., 1834; П. Кеппен. Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей. СПб., 1850.

⁵ См., например, Х. Х. Хасанов. Указ. раб., с. 182; Н. С. Хамитбаева. Народонаселение Среднего Поволжья в 60—90-х годах XIX в.— «Исследования по историографии Татарии», с. 78—98.

⁶ См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— «Сов. этнография», 1955, № 4.

⁷ Р. Г. Кузеев. Этнографическая наука в Поволжье и Приуралье и перспективы ее развития.— «Историко-этнографический атлас Урала и Поволжья (препринты докладов и сообщений). Уфа, 1976; В. В. Пименов. Урало-Поволжская историко-этнографическая область (к проблеме изучения).— «Проблемы типологии в этнографии». М., 1979, с. 40.

⁸ Е. П. Бусыгин. Русское население Среднего Поволжья. Казань, 1966, с. 5.

⁹ Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров. Историко-этнографические области (Проблемы этнографического районирования).— «Сов. этнография», 1975, № 3, с. 18.

ся представителей русского народа¹⁰. При этом все же следует помнить о некоторой условности установленных таким образом границ региона: сам факт подобного расселения еще не является доказательством наличия у рассматриваемых этносов определенных, сближающих их характеристик.

В конце XIX в. описываемая территория охватывала 12 губерний (в ряде случаев только их части).

Работа написана на основе материалов «ревизий» и первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Нами были изучены материалы (в основном сводного характера) I—V, VIII и X ревизий¹¹, в которых вполне удовлетворительно отражена динамика изменения сельской и значительно слабее городской групп средневолжско-приуральских татар в 1719—1857 гг. Сводные данные переписи населения Российской империи 1897 г. явились для нас также весьма важным, но требующим к себе критического отношения источником¹². В ряде случаев для корректировки данных переписи 1897 г. нам приходилось обращаться к материалам переписей 1920 и 1926 гг.¹³ Вспомогательным, но все же весьма существенным (особенно при определении численности горожан в середине XIX в.) источником явились «материалы учета мусульманского населения»¹⁴. Привлекался и ряд литературных источников, содержащих данные «ревизий», и другие статистические сведения¹⁵.

¹⁰ В. В. Пименов. Указ. раб. с. 40.

¹¹ Центральный государственный архив древних актов СССР (ЦГАДА), ф. 248, д.д. 23, 406, 803, 805, 1159, 1163, 3325, 4339—4342; ф. 350, оп. 2, д.д. 2572, 2631, 2920, 2933, 2984, 2985, 2988, 2991, 3005, 3119, 3127, 3561; там же, оп. 3, д.д. 1148, 1664; ф. 199, д. 481, ч. 6, ф. 16, оп. 1, д.д. 720, 816, 931, 993; ф. 439, оп. 1, д. 748; ф. 10, оп. 3, д. 47; ф. 1355, оп. 1, д.д. 449, 789, 926—929, 931—933, 935, 936, 939, 940, 1022, 1204, 1218, 1414—1431, 1433, 1586, 1587, 1646, 1652, 1659, 1675, 1871, 1873, 1881, 1884—1887; Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей, Эрмитажное собрание, д.д. 242, 244, 246, 264; ф. 550, оп. F-IV, д. 68; Отдел собраний редких книг, оп. 1, Q-IV, д. 299; Архив Ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР, ф. 36, оп. 1, д.д. 468, 487, 488, 494, 507, 516, 525, 538, 540. Архив ВГО СССР (АВГО), ф. 2, Разряд 14, д.д. 4, 8, 17; Разряд 10, д. 6; Разряд 26, д. 19; Центральный гос. исторический архив СССР (ЦГИА), ф. 558, оп. 2, д.д. 38, 39, 160, 169, 172, 173; ф. 571, оп. 9, д.д. 1, 8, 31, 33, 36, 1860, 1863; там же, оп. 6, д.д. 1023, 1024; ф. 1350, оп. 312, д.д. 205, 220, 222, 246, 247; ф. 1281, оп. 11, д. 49, ф. 1409, оп. 2, д. 6039; Центральный гос. архив Кировской области, ф. 583, оп. 600, д. 47. См. также Д. М. Исхаков. Тептяри. Опыт этностатистического изучения. — «Сов. этнография», 1979, № 4.

¹² «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.», т. 1—91. СПб., 1899—1905; «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», в. 7 «Наличное население обоего пола по уездам», СПб., 1905.

¹³ В. П. Шибаев. Этнический состав населения Европейской части СССР. Л., 1930.

¹⁴ «Ведомость о числе мечетей, медресе, духовенства и прихожан обоего пола магометанского закона за 1836 г.» — Журнал Министерства внутренних дел, ч. 25, 1837, табл. № 15; П. Кеппен. Ведомость о народонаселении России по уездам, составленная из всеподданнейших отчетов губернаторов, при статистическом отделении Совета МВД. СПб., 1850; «О числе магометан в России». — АВГО, ф. 2, оп. 1, д. 51 («Татары»), с. 21; «Статистические таблицы, составленные в статистическом отделении Совета МВД, по сведениям 1849 г.». СПб., 1852; ЦГИА, ф. 821, оп. 1, д.д. 1093, 1096, 1097, 1100, 1106, 1110, 1115, 1118, 1119, 1122, 1132, 1141; «Статистический временник», серия II, в. 1. СПб., 1871; то же, в. 10. СПб., 1875; «Памятная книжка Вятской губернии». Вятка, 1857; «Памятная книжка Рязанской губернии». Рязань, 1860; «Памятная книжка Казанской губернии». Казань, 1862; «Памятная книжка Самарской губернии». Самара, 1864; «Памятная книжка Тамбовской губернии». Тамбов, 1864; «Памятная книжка Нижегородской губернии». Н. Новгород, 1864.

¹⁵ «Изв. Тамбовской ученой архивной комиссии», в. 40. Тамбов, 1895; «Изв. Казанского Общества археологии, истории и этнографии», т. 18, в. 4—6. Казань, 1908; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. 4, ч. 2. М., 1956, т. 5, 1960; «Зап. путешествия академика Фалька». — «Полное собрание ученых путешествий», т. 6. СПб., 1824; «Действия Нижегородской Ученой архивной комиссии», т. 1, в. 1—8. Н. Новгород, 1890; «Древняя Российская вивлиофика», ч. 18. М., 1791; «История Татарии в материалах и документах». М., 1937; К. Фукс. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844; А. Можаровский. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцов с 1552 по 1567 г. Казань, 1880; Е. А. Малов. Статистические сведения о крещеных татарах Казанской и некоторых других епархий в Волжском бассейне. Казань, 1866; Л. Ф. Риттих. Материалы для этнографии России, т. XIV,

Изучение численности населения возможно только в границах определенных административно-территориальных единиц. В данном случае мы опирались на погубернские и поуездные деления, существовавшие в Поволжско-Приуральском регионе в XVIII—XIX вв. Несмотря на то, что в течение этого времени границы губерний и уездов неоднократно менялись, нам удалось найти оптимальные, по нашему мнению, варианты группировки статистического материала. В целом изучаемое нами население учитывается в общерегиональном, погубернском и поуездном разрезах. Однако из-за крупных административно-территориальных преобразований в 70-х годах XVIII в. в настоящее время практически невозможно сделать сопоставимыми в погубернском и поуездном планах материалы I—II ревизий с данными последующего периода (материалы III ревизии, полученные до губернских реформ, в основном были пересчитаны на новые границы еще в XVIII в.). Поэтому статистические сведения были отдельно рассчитаны для первой половины XVIII в. (в том числе и для III ревизии) и для 1762—1897 гг. (материалы III ревизии имеются в двух вариантах, причем сведения в новых границах более точны). Но и между 1719—1745 гг. были определенные изменения границ губерний и уездов. Для того чтобы сделать статистические данные I—III ревизий сопоставимыми, мы взяли административные деления, существовавшие к 1745 г., за основу и пересчитали статистические материалы I ревизии на эти границы. Такой подход позволил обнаружить малейшие изменения численности татарского населения в уездах и губерниях, связанные с их миграцией в пределах региона. Но в одном случае такой пересчет не удалось осуществить: между I и II ревизиями в Пензенский уезд была передана часть Темниковского уезда. Обнаруживаемая между указанными ревизиями убыль татарского населения Темниковского уезда поэтому не отражает истинного положения дел.

В период с 1762 по 1897 г. кроме административных реформ 70-х годов XVIII в. были проведены и другие территориальные преобразования. Поэтому мы взяли за основу поуездные и погубернские деления, существовавшие в 60-х и 90-х годах XIX в., и весь статистический материал пересчитали в указанных границах. Пересчет в поуездном разрезе в полной мере не удалось осуществить лишь для татарского населения Пензенской губернии (за 1762—1795 гг.) и для части татар (тептярей) Красноуфимского уезда Пермской губернии (за 1762—1782 гг.). Таким образом, поуездные данные для Пензенской губернии на вторую половину XVIII в. не могут быть полностью сопоставлены с материалами XIX в. Так же обстоит дело и с Пермской губернией (правда, в последнем случае речь идет о весьма немногочисленном населении.) Надо отметить и то, что между 1782—1795 гг. был ликвидирован Кадомский уезд Тамбовской губернии, татарское население которого отошло в Елатомский и Темниковский уезды той же губернии.

Но, несмотря на отмеченные особенности, в целом численность татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья между 1762—1897 гг. можно сопоставить за разные даты не только в погубернском, но и поуездном масштабах.

Известно, что на численность населения существенное влияние оказывают этнические процессы. Нам удалось установить, что в XVIII—XIX вв. в Среднем Поволжье и Приуралье интенсивно развивались этнические процессы, в которые были вовлечены татары, башкиры, чуваша, а также бесермяне, что повлияло как на динамику изменения чис-

ч. 2. Казань, 1870; «Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 г.»: т. 10, СПб., 1876, т. 14, СПб., 1866, т. 25, СПб., 1863, т. 28, СПб., 1871, т. 30, СПб., 1869, т. 31, СПб., 1875, т. 35, СПб., 1862, т. 36, СПб., 1863, т. 38, СПб., 1862, т. 39, СПб., 1863, т. 42, СПб., 1862; Б. Ляковский. Материалы для статистического описания Самарской губернии. СПб. 1860

ленности, так и на особенности расселения средневожско-приуральских татар (главным образом во второй половине XIX в.).

Наиболее интенсивное взаимодействие между татарами и башкирами в Приуралье происходило в XVIII—XIX вв. Проблему взаимоотношений между татарами и башкирами мы рассматривали в специальной статье, где было отмечено, что тептяри, в значительной своей массе учтенные в 1897 г. в составе башкир (по языку), были на самом деле этнографической группой татар¹⁶. Подтвердилось также высказанное в литературе мнение о том, что в 1897 г. в составе башкир (по языку) была учтена и часть татар-мишарей, проживавших в Приуралье¹⁷. Во всех наших подсчетах указанные группы населения в конце XIX в. были причислены к татарам. Но у проблемы татаро-башкирских этнических взаимоотношений есть и другая сторона: правильно ли причислять к башкирам население самых западных районов Приуралья (территории Бугульминского уезда Самарской губ., Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губ., Мензелинского уезда Уфимской губ.), которое по переписи 1897 г. было зафиксировано как «башкиры»? У Р. Г. Кузеева по этому вопросу нет четкой позиции: с одной стороны, он совершенно справедливо отмечает, что по переписи 1897 г. «в составе башкир было учтено около 300—350 тыс. тептярей и мишарей»¹⁸. С другой стороны, вопреки собственному указанию на то, что «нельзя, конечно, не учитывать и близость башкирского и татарского языков и вообще отсутствие существенных различий в разговорной речи тептярей и башкир в северо-западных районах»¹⁹, он тем не менее все башкироязычное население упомянутых выше уездов считает полностью башкирским²⁰.

Мы считаем нужным предложить более четкое решение этого вопроса. По переписи 1926 г., когда учитывалась не только языковая, но и этническая принадлежность, в пределах Татарской АССР, куда вошли все перечисленные выше уезды, было отмечено всего 1,5 тыс. башкир²¹. И это там, где по переписи 1897 г. было зафиксировано 166 209 башкир (по языку)²². Спрашивается, куда же они исчезли? Ответ довольно прост: они слились с татарами. Однако, кроме констатации факта, в данном случае необходимо ответить и на вопрос о причинах, приведших к столь быстрым этнотрансформационным процессам. Сразу же следует оговориться, что далеко не все из этих 166,2 тыс. чел. были башкирами в узком, этническом смысле. Сопоставление материалов переписи 1897 г. с материалами X ревизии позволяет сделать следующий вывод: из указанного выше населения не менее 42 тыс. чел. приходилось на тептярей с башкирским языком. Получается, что остальные 124 тыс. собственно башкир за 29 лет между переписями 1897 и 1926 гг. полностью сменили свою этническую принадлежность. А вот это-то и кажется нам невероятным. Если исходить из того, что указанная группа башкирского населения в конце XIX в. еще продолжала сохранять свое этническое самосознание, смену его за столь короткое время придется объяснять ошибками переписи 1926 г. Однако сомнений в правильности этой переписи никто не высказывал.

На самом же деле представители выделенной нами группы «башкир» к концу XIX в. попросту не могли уже иметь башкирского этнического самосознания. И вот почему. Изученные нами материалы по совместной расселенности (в пределах одного населенного пункта) татар и башкир в конце XVIII — первой трети XIX в. в упомянутых уездах показывают, что к этому времени в Бугульминском уезде 88%, в Мензелинском уез-

¹⁶ Д. М. Исхаков. Указ. раб., с. 42.

¹⁷ Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978, с. 238.

¹⁸ Там же, с. 241.

¹⁹ Там же, с. 245.

²⁰ Там же, с. 250.

²¹ В. П. Шибанов. Указ. раб., с. 261.

²² Там же, с. 37, 89, 107.

де 58%, в Елабужском и Сарапульском уездах 45% башкир проживали совместно с татарами. Причем в Бугульминском уезде в татаро-башкирских населенных пунктах численность татар была в 2 раза, а в Елабужском и Сарапульском уездах в 1,5 раза выше численности башкир. В Мензелинском уезде соотношение было 1:1. Следует добавить, что в Мензелинском уезде к концу XVIII в. 43% всех браков были смешанными, тептяро-башкирскими. У нас нет оснований считать, что к концу XVIII — началу XIX в. в остальных уездах дело обстояло иначе. К тому же в этих уездах численность татар уже в конце XVIII в. в 5,6 раза превышала численность башкирского населения. Могла ли в такой ситуации эта самая северо-западная группа башкир сохранить свою этническую специфику? Очевидно, что нет. Недаром все попытки земских статистиков в 60—70-х годах XIX в. разделить башкир и татар самой северо-западной окраины Приуралья, неизменно заканчивались неудачей. Учитывая все это, а также и то, что между родным языком и этническим самосознанием прямой связи нет, можно, как нам думается, для конца XIX в. считать «башкир» четырех северо-западных уездов принадлежащими к татарскому этносу. При этом башкирская этническая принадлежность представителей данной группы в более ранний период тоже весьма сомнительна. Скорее эту группу населения можно было бы определить как переходную между татарским и башкирским этносами.

И, наконец, по переписи 1897 г. мы находим довольно значительное количество башкир (по языку) в городах Приуралья. Знание этноязыковой ситуации в крае, а также сопоставление данных 1897 г. с материалами последующих переписей убедило нас в том, что среди горожан истинное число башкир к концу XIX в. было значительно меньшим. Исходя из этого, мы подвергли корректировке материалы переписи 1897 г. по городам Приуралья и получили новые, на наш взгляд, более достоверные данные о численности татар-горожан.

Несколько слов об этнических процессах, имевших место в татаро-чувашской среде. В литературе уже высказывалась мысль о том, что существовавшие ранее представления об интенсивных этнических контактах между татарами и чувашами были основаны на неверных статистических материалах²³. Мы присоединяемся к этому мнению. Однако следует указать два района, где этнические процессы привели к ассимиляции значительного числа чувашей. Прежде всего это относится к Симбирской губернии (особенно к Буинскому и Симбирскому уездам) и примыкавшей к ней территории Самарской губернии (в частности, к Самарскому и Ставропольскому уездам), где еще в середине XVIII в. около 4 тыс. чувашей проживали совместно с татарами в одних и тех же деревнях²⁴. Впоследствии большинство из них было ассимилировано татарами (процесс завершился к концу XIX в.). Вторым районом интенсивных этнических контактов между татарами и чувашами была территория Цивильского и Тетюшского уездов Казанской губернии, где проживала группа «молькеевских кряшен». В дореволюционной литературе их считали чувашами²⁵. Судя по материалам первой половины XVIII в., они на 60% состояли из крещеных чувашей²⁶, которые вплоть до 30-х годов XIX в. сохраняли свой этноним. К татарам мы их причислили лишь с конца 50-х годов XIX в. (к тому времени их насчитывалось 2,6 тыс. чел.), когда появились первые четкие указания о завер-

²³ В. Д. Димитриев. О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XIX в. — «Уч. зап. Чувашского НИИ», в. 4. Чебоксары, 1969.

²⁴ ЦГАДА, ф. 16, оп. 1, д. 931.

²⁵ Комиссаров. К этнографической карте Козьмодемьянского, Цивильского, Чебоксарского и Ядринского уездов. Казань, 1912, с. 6.

²⁶ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 2977, 2988, 3005.

Таблица 1

**Динамика изменения общей численности татарского населения
Поволжско-Приуральской ИЭО в XVIII—XIX вв.**

Городское и сельское население	Годы и численность			
	1719	1744	1762	1782
Всего по региону	261 117	327 066	396 770	509 346
В том числе:				
городское население,	1 849	5 170	6 660	8 695
%	0,7	1,6	1,7	1,7
сельское население,	259 268	321 896	390 110	500 651
%	99,3	98,4	98,3	98,3

Городское и сельское население	Годы и численность			
	1795	1833	1857	1897
Всего по региону	617 297	1 019 514	1 416 051	2 249 539
В том числе:				
городское население,	10 851	23 471	29 733	110 914
%	1,8	2,3	2,0	4,9
сельское население,	606 446	996 043	1 386 318	2 138 625
%	98,2	97,7	98,0	95,1

шении их ассимиляции татарами²⁷. К концу XIX в. численность всех молькеевских кряшен составила 5,3 тыс. чел.

С первой половины XVIII в. к татарам Глазовского и Слободского уездов Вятской губернии причисляли ту часть бесермян (весьма близких к татарам), которая уже к 1744 г. исповедовала ислам²⁸. В указанных уездах не менее $\frac{1}{3}$ татар — бывшие бесермяне, ассимиляция которых была завершена в конце XIX — начале XX в. Тогда их численность достигала 4,3 тыс. чел.

Таковы в общих чертах предварительные замечания, без которых было бы невозможно изучение расселения и численности средневожско-приуральских татар в XVIII—XIX вв. Динамика изменения общей численности татар Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII—XIX вв. раскрывается нами в табл. 1. Как видно из таблицы численность татарского населения региона с 1719 по 1897 г. выросла с 261 117 до 2 249 539 чел., т. е. в 8,6 раза. Такой прирост почти полностью совпадает с общероссийскими показателями²⁹. При этом среднегодовые темпы прироста за XVIII—XIX вв. составили 1,4%. Учитывая, что мы охватываем почти всю группу татар Среднего Поволжья и Приуралья, среднегодовой прирост этого населения можно считать близким к естественному. Уже в XVIII в. мы наблюдаем постепенное ускорение среднегодовых темпов прироста рассматриваемого нами населения (от 0,98% между 1719—1745 гг. до 1,63% между 1782—1795 гг.), так что в целом за XVIII в. данный показатель составил 1,3%, что на 0,5% выше общероссийского³⁰. С конца XVIII до середины XIX в. среднегодовые темпы прироста татарского населения края составили 1,6%. В пореформенный период этот показатель был таким же высоким (1,5%). Если высокие темпы прироста татар Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII — первой половине XIX в. объяснялись главным образом общим воздействием

²⁷ Л. Ф. Риттих. Указ. раб., с. 140.

²⁸ ЦГАДА, ф. 248, д. 803, л. 181.

²⁹ См. Я. Е. Водарский. Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973, с. 151.

³⁰ Там же, с. 55. По данному вопросу см. также: В. М. Кабузан. Изменения в расселении населения России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизий). М., 1971, с. 5, 52—57 и др.; А. Г. Рашин. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Статистические очерки. М., 1956.

начавшегося развития капиталистических отношений в крае, то в пореформенный период кроме того следует учитывать и влияние ассимиляционных процессов, протекавших одновременно с консолидацией средневожско-приуральских татар в ядро татарской буржуазной нации.

Собранные статистические материалы показывают и динамику изменения численности городской группы татар в XVIII—XIX вв. (см. табл. 1). Численность татар-горожан с 1849 чел. в 1719 г. (в пределах городов региона) выросла почти до 111 тыс. чел. в 1897 г. В целом численность горожан-татар за период между 1719—1897 гг. увеличилась почти в 60 раз. К концу XIX в. из 240 тыс. татар-горожан (8,8% от общей численности татар России), проживавших в городах России, около 160 тыс. чел. (т. е. 60%), составляли средневожско-приуральские татары. Большая часть их проживала в городах Среднего Поволжья и Приуралья. Наиболее значительные группы татар были сосредоточены в Казани, Оренбурге и Уфе. Выходцы из Среднего Поволжья и Приуралья проживали также в городах Центра и Юга России (до 14 тыс. чел.), в Казахстане и Средней Азии (около 31 тыс. чел.) и в Сибири (5 тыс. чел.).

По степени урбанизированности средневожско-приуральские татары уступали (доля горожан в регионе составляла 4,9% от их общего числа) другим крупным группам (кроме сибирских татар) татарского этноса. Но благодаря своей многочисленности даже при более замедленных темпах урбанизации татары рассматриваемого региона дали основную часть татарского населения городов. Причем пореформенный период оказался решающим в формировании городского слоя средневожско-приуральских татар. Именно в этот период, очевидно, окончательно сложилась татарская буржуазная нация. При этом нас не должен смущать незначительный процент горожан-татар — такая же картина в конце XIX в. была характерна и для многих других этносов России, сложившихся в нации до революции.

Статистические материалы позволяют также проследить изменения в расселении татар в XVIII—XIX вв. в пределах региона. Все известные к настоящему времени исторические источники указывают, что первоначальной территорией, где сложилась группа средневожско-приуральских татар, были районы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Это подтверждается особенностями распределения татарского населения по административно-территориальным образованиям (уездам и губерниям) в первых десятилетиях XVIII в. (см. табл. 2). Ко времени проведения первой ревизии (1719 г.). 91,3% татар проживали в пределах Среднего Поволжья. Причем основная их масса была сосредоточена в Казанском и Свияжском уездах, территории которых некогда составляли центральную часть Казанского ханства. Тут сформировалась группа казанских татар.

Другое существенное «сгущение» татарского населения отмечено в Темниковском, Алаторском и Симбирском уездах. Наличие крупного массива татар по среднему и нижнему течению р. Суры (территории Алаторского и Симбирского уездов) уже в начале XVIII в. требует подходить с большой осторожностью к утверждениям, что татары переселились туда лишь в XVII в.³¹ Основная масса татар-мишарей к началу XVIII в. была сосредоточена в губерниях Нижегородской, Воронежской (за исключением Касимовского уезда, где проживали касимовские татары) и Казанской (юго-западная часть).

Районы Среднего Поволжья являлись древними этническими территориями казанских татар и татар-мишарей, иначе обстояло дело в районах Приуралья. Известно, что северо-западные окраины Приуралья

³¹ Р. Г. Мухамедова. Татары-мишари. М., 1972, с. 18, 20; Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978, с. 5, 7.

**Размещение татар в пределах Поволжско-Приуральской ИЗО
по административно-территориальному делению первой половины XVIII в.***

Губернии и уезды	Годы и численность		
	1719	1744	1762
Воронежская губ.	24 787	22 524	23 695
Темниковский	10 536	8 306	9 134
Касимовский	5 797	4 880	4 265
Керенский	2 352	2 406	2 326
Верхне-Ломовский	2 240	3 310	3 818
Кадомский	2 006	1 726	1 938
Шацкий	966	994	1 160
Исарский	890	902	1 074
Нижегородская губ.	13 020	17 168	20 182
Алатровский	11 384	12 982	15 282
Курмышский	1 636	4 186	4 900
Казанская губ.	203 232	213 520	248 86
Самбирский	20 870	24 632	25 356
Пензенский	8 066	11 894	14 296
Саранский	6 324	6 214	6 948
Петровский	—	356	366
Казанский	122 290	117 038	154 989
Свияжский	40 184	47 044	38 442
Уржумский	206	308	312
Слободской	1 768	1 620	2 184
Бунгурский	3 524	4 484	5 968
Оренбургская губ.	19 978	73 849	87 884
Уфимский	17 260	59 238	71 004
Ставропольский	838	3 054**	3 559**
Оренбургский	—	8 776	11 614
Исетский	1 880	2 781	1 702***

* Деления на провинции опущены.

** Тепляри учтены в составе Уфимского уезда.

*** Мишари учтены в составе Уфимского уезда.

последовательно входили в состав сначала Волжской Булгарии, а потом — Казанского ханства. Но, по-видимому, собственно булгарское, а позднее и татарское население если и проживало там, то в очень незначительном количестве. После присоединения Казанского ханства к Русскому государству произошло первое крупное передвижение татар из Среднего Поволжья на восток. В итоге вольной колонизации и правительственных переселений XVI—XVII вв. к началу XVIII в. в Приуралье проживало более 22 тыс. татар (8,7% от общего числа). Как показывает изучение статистических материалов, вторая волна переселений на восток пришлось на первую половину XVIII в. Миграция в Приуралье шла из Среднего Поволжья. Так, между 1719 и 1745 гг. численность татар Среднего Поволжья выросла всего на 8,2%, тогда как общий прирост во всему региону составил 20,4%. Замедленный прирост, а в некоторых случаях и прямая убыль татарского населения между 1719—1745 гг. в Среднем Поволжье нашли отражение и в ревизских материалах (см. табл. 2). В результате бурной миграции численность татар в Приуралье за период между 1719—1745 гг. почти утроилась и достигла 64 тыс. чел. (20% от общего числа). Между 1745 и 1762 гг. прирост татарского населения в Приуралье был почти в 2 раза выше, чем в среднем по региону, что говорит о продолжающемся их притоке в восточные районы. Следует отметить, что наиболее массовые передвижения татар на восток приходятся на период между 1719 и 1745 гг. Массовый отток татар из районов Среднего Поволжья в Приуралье в первой половине XVIII в. был вызван резким усилением в крае экономического и нацио-

нального (особенно в форме религиозных притеснений) гнета со стороны царского правительства³².

Во второй половине XVIII в. темпы прироста татарского населения в Приуралье постепенно сокращаются и к концу столетия почти уравниваются со средними показателями по региону (см. табл. 3).

К концу XVIII в. в Приуралье проживала уже третья часть татар региона (около 200 тыс. чел.). Большинство их было сосредоточено на северо-западе Приуралья, что оказало значительное влияние на интенсивность и конечные результаты этнических процессов, в которые были вовлечены татары и башкиры.

Таким образом, в результате ранних (XVI—XVII вв.) и более поздних миграций средневожских татар сложилась приуральская группа (к концу XIX в. в Приуралье проживало около 1 млн. татар, что составляло чуть менее половины всех татар Среднего Поволжья и Приуралья).

В литературе высказывалось мнение о том, что привести «скольконибудь точные цифры о численности... казанских татар и татар-мишарей... не говоря уже о более мелких подгруппах... не представляется возможным»³³. Мы не можем согласиться с этим утверждением. Имеющаяся в нашем распоряжении этностатистические материалы и дополняющая их этнографическая литература, на наш взгляд, позволяют весьма точно определить численность не только казанских татар и мишарей, но и других более или менее значительных этнографических групп татар региона. Ниже предлагается опыт определения численности казанских татар, мишарей, касимовских татар и татар-кряшен в XVIII—XIX вв.

Наибольший интерес представляет вопрос о соотношении казанских татар и татар-мишарей. Среди лингвистов уже сложилось твердое мнение, что «в формировании татарского литературного языка немаловажную роль играл мишарский диалект»³⁴. Однако этнографами вопрос о вкладе мишарей в традиционную культуру татар Среднего Поволжья и Приуралья решен далеко не полностью. Одну из причин такого положения мы видим в отсутствии достаточно обоснованных выводов об удельном весе каждой из двух основных этнографических групп средневожско-приуральских татар — казанских татар и татар-мишарей.

Попытки решения этой проблемы предпринимались и ранее. Еще в 20-х годах нашего века Дж. Валиди определил численность мишарей в 1 млн. чел. Численность казанских татар, по его мнению, была такой же. Около 2,5 млн. чел., которых сейчас причисляют к казанским татарам, были отнесены им к «урало-уфимским» татарам³⁵. Указанные подсчеты были проведены на основе материалов переписей 1920 и 1926 гг. Однако эти материалы не позволяют отделить мишарей от казанских татар в районах их чересполосного расселения. То же самое относится и к основной массе татар-горожан. Поэтому подсчеты Дж. Валиди имеют относительно небольшую научную ценность. Аналогичные вышеприведенным исчисления, только по материалам переписи 1959 г., были проведены Н. И. Воробьевым. Согласно полученным им результатам, «в числе сельского населения казанских татар было 1,2 млн. чел., а мишарей — 900 тыс.»³⁶. Но если учесть, что принадлежность татар-горожан к разным этнографическим группам осталась невыясненной, то станет ясно, что подобный подход не решает поставленного вопроса.

³² «История Татарской АССР», с. 134—136.

³³ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», с. 53.

³⁴ Л. Т. Махмутова. О татарских говорах северо-западных районов БАССР. — «Материалы по татарской диалектологии», т. 2, Казань, 1962, с. 74.

³⁵ Дж. Валиди. О диалектах казанского татарского языка. — «Вестник научного общества татароведения», Казань, 1927, № 6, с. 52—53.

³⁶ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», с. 53.

Таблица 3

Размещение татар в пределах Поволжско-Приуральской ИЗО
по административно-территориальному делению второй половины XVIII—XIX вв.

Губернии и уезды	Годы и численность					
	1762	1782	1795	1833	1857	1897
Нижегородская губ.	10 783	14 577	15 884	20 411	33 711	41 339
Сергачский	7 928	10 655	11 583	16 320	22 849	27 196
Васильсурский	2 252	2 867	3 385	5 188	8 982	10 889
Княгининский	603	1 055	790	1 280	1 707	1 992
Прочие уезды	—	—	118	183	207	1 260
Тамбовская губ.	5 616	6 393	7 484	10 740	13 152	16 976
Темниковский	3 930	4 612	3 278	4 394	5 753	5 901
Елатомский	351	404	2 557	4 034	4 157	5 919
Спасский	816	858	875	1 053	1 355	2 201
Тамбовский	260	(234)**	395	681	806	1 176
Шацкий	259	285	379	578	867	1 026
Прочие уезды	—	—	—	—	214	720
Рязанская губ.	4 265	4 807	5 999	5 591	5 656	5 033
Касимовский	4 265	4 807	5 999	5 591	5 647	4 764
Прочие уезды	—	—	—	—	12	146
Пензенская губ.	20 336	25 389	24 986*	34 912	45 321	58 530
Краснослободской	6 116	6 867	5 969	8 304	11 127	14 321
Инсарский	4 086	6 333	5 716	8 532	11 368	13 075
Саранский	3 650	4 037	4 454	5 525	7 442	11 269
Чембарский	3 500	4 395	5 329	7 510	8 553	8 345
Керенский	1 576	2 080	2 168	2 731	3 292	4 915
Городищенский	322	406	448	1 028	1 641	2 843
Мокшанский	354	385	422	761	1 069	1 731
Нижне-Ломовский	732	826	480	519	829	1 077
Прочие уезды	—	—	—	—	—	37
Симбирская губ.	34 400	39 053	46 419	67 654	90 069	133 977
Буинский	16 272	20 435	22 867	33 050	43 741	63 046
Симбирский	6 738	5 736	5 778	8 339	12 239	22 133
Курмышский	6 848	8 246	11 699	15 608	19 001	24 260
Корсунский	1 760	1 749	2 353	3 941	5 009	8 387
Сенгилейский	1 072	941	1 596	2 935	5 000	6 894
Сызранский	988	1 363	1 396	2 817	4 032	7 491
Ардатовский	722	582	730	964	1 000	1 659
Алатырский	—	1	—	—	47	107
Саратовская губ.	18 538	25 798	31 218	47 040	57 628	94 693
Кузнецкий	9 644	11 682	13 491	18 478	20 315	35 344
Хвалынский	6 536	9 468	11 301	20 368	26 382	39 536
Петровский	1 752	3 598	4 630	6 564	8 840	12 394
Вольский	422	652	948	1 511	1 926	3 173
Саратовский	184	398	554	(119)**	274	1 925
Прочие уезды	—	—	294	—	—	2 321
Казанская губ.	155 444	191 854	214 671	363 094	455 278	675 419
Казанский	46 220	56 046	61 340	87 160	99 946	146 730
Мамадышский	26 350	31 416	36 010	65 464	92 581	131 732
Лаишевский	13 118	15 776	19 774	43 527	49 367	73 045
Царевококшайский	4 956	6 962	8 114	18 661	20 924	23 789
Тетюшский	23 480	29 230	30 554	50 956	56 130	91 214
Свияжский	9 998	11 916	12 100	19 423	23 635	37 802
Цивильский	2 808	3 792	4 870	6 306	10 808	16 368
Чебоксарский	844	986	1 102	1 636	2 085	3 397
Чистопольский	15 848	20 998	25 253	46 498	61 468	98 304
Спасский	11 822	14 682	15 554	25 928	35 316	52 952
Прочие уезды	—	—	—	35	18	72
Вятская губ.	21 772	27 959	32 561	60 102	89 630	147 200
Малмыжский	12 628	15 349	17 724	27 166	41 897	52 228
Уржумский	937	1 223	1 002	4 258	6 471	13 934

Таблица 3 (Окончание)

Губернии и уезды	Годы и численность					
	1762	1782	1795	1833	1857	1897
Слободской	1 434	1 771	1 998	2 676	3 267	4 277
Глазовский	924	1 343	1 698	3 805	4 621	7 884
Елабужский	5 345	7 437	9 132	19 144	28 411	52 239
Сарапульский	504	836	1 017	3 053	4 963	15 884
Прочие уезды	—	—	—	—	—	754
Самарская губ.	21 717	30 314	47 245	85 444	131 554	259 820
Бугульминский	13 082	18 738	27 193	40 938	61 674	137 885
Бугурусланский	3 971	5 409	8 405	14 246	25 093	41 580
Ставропольский	4 062	5 125	7 066	18 249	24 204	38 396
Самарский	602	1 042	2 765	4 748	5 536	14 000
Бузулукский	—	—	1 806	2 902	6 239	11 404
Ново-Узенский	—	—	—	2 636	6 632	13 008
Николаевский	—	—	—	1 400	2 176	3 515
Уфимская губ.	82 686	112 721	140 211	254 620	373 219	609 091
Мензелинский	32 320	40 268	43 121	74 348	98 348	154 503
Бирский	15 278	18 699	25 520	42 515	76 142	127 512
Белебеевский	16 625	27 232	34 288	70 269	84 337	173 507
Уфимский	11 881	16 965	24 599	41 708	57 811	85 835
Стерлитамакский	6 542	9 557	12 683	25 780	47 581	68 187
Оренбургская губ.	12 229	18 491	23 995	42 632	79 388	126 225
Оренбургский	8 694	13 822	14 603	25 727	46 927	71 158
Верхнеуральский	1 757	2 376	3 583	7 959	16 724	23 865
Челябинский	1 132	1 461	3 478	5 789	9 910	13 910
Троицкий	646	832	2 331	3 163	7 844	17 286
Пермская губ.	8 984	11 987	17 624	27 274	41 442	81 236
Осинский	2 599	3 345	4 213	6 896	7 801	16 364
Красноуфимский	1 999	3 317	5 233	9 715	16 400	26 046
Кунгурский	1 280	1 640	2 182	1 506	1 956	2 722
Пермский	305	313	418	1 274	2 360	7 054
Екатеринбургский	209	269	448	883	2 220	4 277
Шадринский	2 592	3 103	5 130	7 000	10 685	17 739
Прочие уезды	—	—	—	—	—	6 978

* Сведения неполные.

** Не вполне надежные сведения.

Как показывает опыт, определить численность двух крупнейших этнографических групп татар региона на основе современных данных не представляется возможным.

Предлагаемый нами вариант решения этой проблемы (см. табл. 4) в отличие от вышеприведенных опирается на статистический материал XVIII—XIX вв., в интерпретации которого учтены и литературные источники. Как видно из таблицы, в XVIII — середине XIX в. казанские татары составляли около 67—68%, а мишари — 31—32% от общей численности татар региона. Наблюдаемое в конце XIX в. некоторое уменьшение доли мишарей объясняется прежде всего включением в состав казанских татар значительного числа башкир. Выявление соотношения казанских татар и татар-мишарей в общей численности татар региона позволяет заключить, что группа татар Среднего Поволжья и Приуралья сформировалась на основе казанских татар, но при значительном участии мишарского компонента.

Небольшую этнографическую группу касимовских татар обычно относят к казанским татарам³⁷, хотя лингвисты обнаруживают в их говоре

³⁷ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», с. 45.

Таблица 4

Динамика изменения численности казанских, касимовских татар
и татар-мишарей в XVIII—XIX вв.

Этнографические группы татар	Годы, численность (тыс. чел. и %)							
	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857	1897
Казанские	175,5 67,3	217,4 66,5	267,4 67,8	345,6 68	417,8 68	712,7 70,5	994,7 70,6	1621,3 72,8
Касимовские	5,8 2,2	4,9 1,5	4,5 1,2	5,2 1,0	6,5 1,0	6,1 0,5	6,4 0,4	5,7 0,2
Мишари	79,5 30,5	104,8 32	124,8 31	158,5 31	193 31	300,1 29	414,8 29	622,5 27

Таблица 5

Динамика изменения численности крещеных татар в XVIII—XIX вв.

Годы	1719	1744	1762	1782	1795	1833	1857	1897
Тыс. чел.	17	23	30,3	35,1	40	68,7	86,3	110
%	6,5	7	7,6	7	6,5	6,7	6	4,9

следы значительного влияния мишарского диалекта³⁸. Этнографы в свою очередь находят ряд параллелей между культурой касимовских татар и татар-мишарей³⁹. В архивных источниках XVIII в. зафиксировано довольно много браков касимовских татар с мишарями⁴⁰. Вообще есть основания полагать, что между темниковской группой мишарей и касимовскими татарами имеется этническая близость. Поэтому мы сочли возможным выделить касимовских татар в особую группу, занимающую промежуточное (переходное) положение между казанскими татарами и мишарями. В течение XVIII—XIX вв. численность касимовских татар почти не изменилась (см. табл. 3). Объясняется это тем, что татары Касимовского уезда постепенно выселялись в другие районы, где наши источники их уже не фиксируют как отдельную группу.

Крещеные татары («кряшены»), образующие особую конфессиональную группу татар региона, являются «сквозной» группой, в той или иной пропорции входившей в состав всех трех вышеуказанных этнографических групп татар Среднего Поволжья и Приуралья. Именно поэтому их численность рассматривается отдельно (см. табл. 5).

В составе трех основных этнографических групп татар региона доля кряшен была различной. Среди касимовских татар и мишарей процент православных был незначительным. Так, в начале XVIII в., когда источники зафиксировали наибольшее количество крещеных из касимовских татар, кряшене составили не более 2% от их общего числа. Доля крещеных мишарей в годы наиболее массовой их христианизации (первая половина XVIII в.) также не превышала 2% от их общей численности. Подавляющее большинство кряшен были из казанских татар (доля православных у них в начале XVIII в. равнялась 9,4%, а в 60-е годы XVIII в. — 11,3%).

Причину столь неравномерного распределения крещеных татар между тремя этнографическими группами татар Среднего Поволжья и При-

³⁸ Л. Т. Махмутова. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка. — «Материалы по татарской диалектологии», т. 2, с. 235. Автор предполагает этническое смешение касимовских татар с мишарями (см. с. 231).

³⁹ В. А. Гордлевский. Элементы культуры у касимовских татар (из поездки в Касимовский уезд). Рязань, 1927, с. 31; Ф. Л. Шарифуллина. Традиционная одежда касимовских татар середины XIX — начала XX в. — «Из истории культуры и быта татарского народа и его предков». Казань, 1976, с. 145—146; *ее же*. Поселения и жилища касимовских татар середины XIX — начала XX в. — «Новое в этнографических исследованиях татарского народа». Казань, 1978, с. 118.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 350, оп. 2, д. 1301.

уралья надо искать прежде всего в том, что по отношению к мишарям и касимовским татарам, являвшимся служилым населением, царское правительство проводило достаточно гибкую политику. К тому же надо учесть и то обстоятельство, что ряд представителей татарской аристократии, приняв христианство в более западных районах, довольно рано обрусели.

Подавляющее большинство крещеных татар в XVIII—XIX вв. принадлежало к группе «старокрещеных» (т. е. принявших христианство в XVI—начале XVIII в.). В начале XVIII в. численность старокрещеных татар достигала почти 17 тыс. чел. Политика массовой христианизации народов Среднего Поволжья, в первой половине XVIII в. увенчавшаяся успехом по отношению к языческим народам края, не привела к особым сдвигам в области обращения в православие татар. В общей сложности в первой половине XVIII в. в православие был обращен всего 3451 татарин⁴¹. Правда, к середине XVIII в. удельный вес крещеных татар достиг максимальной величины — 7,6% от общей численности татар региона. В дальнейшем, однако, по мере усиления консолидационных процессов среди татар Среднего Поволжья и Приуралья, иная, нежели у основной массы населения, конфессиональная принадлежность вызвала у крещен сильное стремление к переходу в мусульманство, что привело к постоянному сокращению процента православных татар, которых к концу XIX в. было около 110 тыс. чел. (т. е. не более 4,9% от общей массы татар региона).

На основании изложенного выше можно сделать следующие выводы:

1. Полученные данные позволяют не только определить численность средневожско-приуральских татар в XVIII—XIX вв., но и внести поправки к имеющейся в литературе реконструкции численности представителей данной группы населения в более раннее время⁴².

2. Наряду с экономическими предпосылками, процессу формирования татар Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII—XIX вв. в ядро буржуазной нации способствовал и неуклонный рост их численности в регионе. Группа средневожско-приуральских татар, насчитывавшая в первых десятилетиях XVIII в. немногим более 261 тыс. чел. к концу XIX в. в пределах региона достигла почти 2 млн. 250 тыс. чел. За тот же период численность татарского населения в городах края увеличилась с 1,85 тыс. до 111 тыс. чел. Удельный вес горожан-татар также существенно вырос (в начале XVIII в. — 0,7%, к концу XIX в. — 4,9%).

3. На динамику изменения численности татар Среднего Поволжья и Приуралья в XVIII—XIX вв. весьма значительное влияние оказали этнические процессы. В итоге продолжительных и глубоких взаимодействий к концу XIX в. в состав татар региона вошли до 124 тыс. башкир, 4,3 тыс. бесермян и несколько тысяч чувашей.

4. В течение XVIII—XIX вв. происходило постепенное расселение татар из Среднего Поволжья — территории, где сформировались две основные группы татар региона — казанские татары и татары-мишари, — в районы Приуралья. Хотя освоение восточных районов татарским населением началось еще в XVI—XVII вв. (а возможно, и раньше), главный поток их миграций в Приуралье по целому ряду исторических причин пришелся на XVIII в., особенно на первую половину столетия. В освоении восточных территорий участвовали представители практически всех этнографических групп татар Среднего Поволжья. Несмотря на то, что переселения в Приуралье сопровождалась этническими контактами, приводившими к образованию новых, весьма крупных этнографических групп в составе татар, миграционное движение XVIII—XIX вв. в конечном итоге создало такие условия, которые способствовали силь-

⁴¹ ЦГАДА, ф. 248, д. 803, л. 597.

⁴² См. А. Х. Халиков. Указ. раб., с. 121—122.

ному смешению представителей различных этнографических групп татарского населения. В результате произошла существенная языковая и культурно-бытовая нивелировка, содействовавшая консолидации изучаемого населения в одну локально-территориальную группу татарского этноса, называемую обычно татарами Среднего Поволжья и Приуралья.

5. Статистические материалы показывают, что локально-территориальная группа татар Среднего Поволжья и Приуралья сложилась при заметном участии мишарского компонента, и ведущей роли казанских татар. В составе общей массы татарского населения региона доля касимовских татар, занимающих переходное положение между двумя указанными выше основными группами татар Среднего Поволжья и Приуралья, была небольшой. Крещеные татары входили в состав всех трех отмеченных выше групп татар региона. Однако процент православных среди мишарей и касимовских татар был невысок. Основная масса крещен состояла из христианизированных (причем главным образом в XVI — начале XVIII в.) казанских татар. Хотя общая численность крещеных татар в XVIII—XIX вв. продолжала расти, их удельный вес в составе татарского населения Среднего Поволжья и Приуралья постепенно сокращался, что было одним из проявлений консолидационных процессов среди татар региона.

THE DISTRIBUTION AND NUMERICAL STRENGTH OF THE TATARS IN THE VOLGA-URALS HISTORIC-ETHNOGRAPHICAL REGION IN THE 18th AND 19th CENTURIES

The paper is based upon ethnostatistical sources; it examines the numerical trends in the Tatar population (together with its main ethnic groups) as well as the changes in its geographical distribution within the region in the 18th and 19th centuries. Particular attention is devoted to the ethnic processes that have influenced the numerical trends in the Volga-Urals historic-ethnographical region.

It is established that, besides economic factors, the formation of the nucleus of the Tatar bourgeois nation was forwarded by the steady numerical increase of the Tatars in the region (in the course of the 18th and 19th centuries their number grew 8.6 times, from 261 thousand in 1719 to 2250 thousand in 1897).

As a result of large-scale migrations of Tatars from the Middle Volga area in the 18th and 19th centuries, quite a large group of them was formed in the cis-Urals area; this group played an important role in the consolidation of the Tatars of the Middle Volga and the cis-Urals areas into a single local-territorial group. Statistics show that the Mishari component took a considerable part in forming this Tatar group; the decisive role, however, belonged to the Kazan' Tatars. The numbers of the Kassimov Tatars were not great. The proportion of baptized Tatars among the region's Tatars gradually declined during the 18th and 19th centuries (in spite of the increase of their absolute numbers) owing to ethnic consolidation processes.